

Институциональные особенности интеграции земель Речи Посполитой в состав Российской и Австрийской империй

П.А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет

В настоящей работе на примере распада Речи Посполитой и вхождения её частей в Российскую и Австрийскую империи анализируется проблема последствий реформирования геополитического пространства, а именно, имплантации осколков распавшегося социума в различные социальные системы. Данный процесс рассматривается в рамках институционального подхода. Выявлены механизмы слияния социумов – донора и реципиента. К их числу следует отнести унификацию – встраивание новых территорий в свою административно-территориальную и правовую систему. Действие данного механизма охватывает несколько стадий: первичную, предполагающую создание гибридных институтов (встраивание новой власти в традиционно существующие властные структуры); вторичную (начало перестройки институциональных трансплантатов с параллельным созданием институтов промежуточного типа); завершающую (окончательная перестройка институтов, в том числе, властных структур, по новому образцу). Важный инструмент унификации – сословная гомогенизация или приведение сословного деления на новых землях в соответствие с таковым для принимающего социума. Кроме того, среди механизмов интеграции выделены: обусловленность (положительная, или стимулирующая, для расширения социальной базы проводимых преобразований и отрицательная, или принуждающая, для подавления недовольства их противников), замещение (встраивание в высшее сословие новых земель представителей принимающего социума), социализация (осуществление мероприятий, направленных на социокультурную гомогенизацию образовавшейся социальной системы). Тем не менее, несмотря на сходство используемых механизмов, показано различие интеграционных моделей Российской и Австрийской империй, обусловленное особенностями государственного устройства и национального состава населения империй, а также географического положения и уровня экономического развития присоединённых земель. Особенностью российского подхода, направленного на выравнивание новых земель с внутренними областями империи, явилась одновременность трансплантации экономических, политических и социокультурных институтов с сохранением ряда существовавших ранее экономических институтов. Австрийская же политика характеризовалась ограниченностью и асимметричностью трансплантации институтов на земли провинции

УДК: 325.3

Поступила в редакцию: 27.05.2021 г.

Принята к публикации: 21.07.2021 г.

(внедрением лишь ряда политических институтов), вследствие чего регион оказался в положении внутренней колонии. Обсуждается значение выбранной модели интеграции для последующего развития присоединённых земель.

Ключевые слова: геополитическое пространство, империя, институциональная матрица, базовые институты, редистрибутивная экономика, рыночные отношения, кризис, точка бифуркации, интеграция, институциональные трансформации.

Сложные процессы турбулентности в современном мире, интеграционные/дезинтеграционные явления, межэтнические конфликты, попытки пересмотра послевоенных границ актуализировали проблему исследования последствий реформатирования геополитического пространства, а именно, институциональных трансформаций в социальных системах в результате вызванного им социального коллапса.

Следует отметить, что, несмотря на различное толкование этого концепта, как правило, институты рассматриваются как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определённые способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума (Дюркгейм 1995). По определению Д. Норта, это «правила игры», которые структурируют социальное действие (North 1990).

Институты достаточно стабильны, но не являются застывшей конструкцией (Peters 2019). Институциональные изменения могут быть постепенными (Mouzelis 2008; Knudsen 2008; Mahoney, Thelen 2010; Brousseau, Raynaud 2011) и быстрыми. Зачастую они основываются на опыте других стран. Для описания подобных заимствований введён термин «трансплантация» (Полтерович 2001). В литературе, как правило, исследуются заимствования экономических и/или политических институтов (Singh 1970; Ostrom 1982; Lehmbruch 2000; Полтерович 2001; Буркальцева 2016; Dowd, Pak, Bensimon 2013). При этом выявлены различные трансплантационные технологии: модификация трансплантата, позволяющая облегчить его адаптацию к новой среде (La Porta et al. 1998); локальная трансплантация в пределах не всей страны, а её отдельного региона (Roland 2000); заимствование института из прошлого страны-донора на любой стадии его развития (Stiglitz 1998); «построение последовательности промежуточных институтов, соединяющих начальную конструкцию с финальной, соответствующей трансплантируемому институту» (Полтерович 2001).

Однако социальная система представляет собой целостное интегрированное образование, сформированное *тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами* (экономической, политической и социокультурной). Это обуславливает необходимость рассмотрения институциональной трансплантации как сложного процесса, охватывающего все указанные сферы.

Наибольший интерес представляет слабо изученный случай институциональных трансплантаций, связанных с интеграцией социума (или его части) в другую социальную систему после социального коллапса. Зачастую данный случай связан с опытом различных стран в имперский период государственности, когда процесс слияния осуществлялся при необходимости сохранения мегагосударства, что вынуждало согласовывать интересы многих субъектов общественных отношений. Исследование механизмов и инструментов такого слияния, сущность которого заключается в осуществлении комплекса институциональных трансплантаций на новых территориях, направленных на гомогенизацию образовавшейся социальной системы, позволяет анализировать возможные последствия (в том числе, отдалённые) геополитических катастроф, прогнозировать возможные пути развития интеграционных структур и цивилизаций, оценивать оптимальные пути управления социумом с многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Указанная проблема анализируется в настоящей работе на примере распада Речи Посполитой и вхождения её частей в Российскую и Австрийскую империи. Данный кейс приобретает особую актуальность в связи с реанимацией идеи «возвращения в Европу», активно популяризуемой в ряде восточноевропейских стран и увязываемой с необходимостью пересмотра исторической роли Речи Посполитой и значения её разделов. Свидетельствами тому являются: присутствие данных исторических событий в политических дебатах в Польше (среди политиков существует почти единодушное мнение о том, что пространственная структура голосования в значительной степени определяется её разделами¹) и Литве (возрождение дискурса о Великом княжестве Литовском (ВКЛ) в связи с необходимостью обоснования вступления в ЕС и НАТО); празднование 3 мая 2021 г. 230-й годовщины принятия Конституции Речи Посполитой, отмеченное встречей в Варшаве президентов Литвы, Латвии, Эстонии, Украины и Польши, в ходе которой была подписана совместная декларация «о поддержке и сотрудничестве со странами, стремящимися к демократическим переменам»².

Следует отметить, что в разделе Речи Посполитой участвовал ещё один актор – Королевство Пруссия, бывшее, в отличие от России и монархии Габсбургов, моноэтническим и моноконфессиональным. При этом одна часть новых земель вошла в состав государства лишь на короткий срок (около десятилетия), что не позволило Пруссии в полной мере осуществить трансфер институтов на новые территории и считать интеграцию завершённой и успешной. Оставшееся же в её составе после наполеоновских войн Великое герцогство Познанское было очень маленьким (по численности населения в середине XIX в. почти в четыре

¹ Grosfeld I., Zhuravskaya E. The past in the Polish present. 23.03.2013. *Voxeu*. URL: <https://voxeu.org/article/past-polish-present> (accessed 21.08.2021)

² Eastern European presidents mark Polish-Lithuanian constitution. 04.04.2021. *Euractiv*. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/eastern-european-presidents-mark-polish-lithuanian-constitution/ (accessed 21.08.2021)

раза меньше, чем Царство Польское и Галиция, которые по этому показателю были приблизительно равны). Поэтому прусский подход к решению интеграции был крайне простым – частичное выселение местного населения из новоприобретённых территорий с последующей ассимиляцией оставшихся. Данная интеграционная модель не может быть использована при присоединении более крупных осколков распавшегося социума. Вследствие незавершённости интегрирующих институциональных трансформаций на землях, приобретённых Пруссией, и неприемлемости модели, используемой ею после наполеоновских войн, данный кейс не будет рассматриваться в настоящей работе.

Методологической основой исследования является исторический неоинституционализм. В процессе подготовки работы привлечены данные Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ)³ и Архива Беларуси⁴.

Сущность интеграции в результате перестроения геополитического пространства

Общество представляет собой целостное интегрированное образование (Т. Парсонс), в котором взаимосвязанные и взаимозависимые подсистемы (экономическая, политическая, социокультурная) *равнозначны* (И. Валлерстайн). Каждая из них выполняет определённую функцию: экономическая сфера обеспечивает получение ресурсов для жизнедеятельности социума, политическая – осуществляет его организацию для достижения поставленных целей, социокультурная – создаёт фундамент коммуникативного взаимодействия и обеспечивает сохранение общественных норм при смене поколений. Регулировать функционирование всей системы позволяет сложная институциональная структура, в которой можно выделить «остов» – образующие *институциональную матрицу* базовые институты, которые задают направленность коллективных и индивидуальных действий. Д. Норт определяет матрицу как «комплекс взаимосвязанных правил и неформальных ограничений, совокупность которых задаёт *экономическую деятельность*» (North 1990: 129). Более широко матрица понимается С. Кирдиной, которая трактует её как *триединую*, «устойчивую, исторически сложившуюся систему базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» (Кирдина 2014: 67).

В институциональной матрице *одновременно*, взаимодействуя между собой по принципу «доминантность – компенсаторность» (Polanyi 1977: xix), присутствуют два основных типа институтов: редистрибутивные и рыночные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуля-

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 21.08.2021)

⁴ Архив Беларуси. URL: <http://archives.gov.by/home> (дата обращения 21.08.2021)

ции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и элементы коммунарного мировоззрения. Рыночная модель – это отношения купли-продажи, частная/личная собственность, наёмный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, элементы индивидуалистического мировосприятия. Рыночные и редистрибутивные институты зародились в глубокой древности, прошли долгий путь эволюции, в результате которой осуществлялась их трансформация в соответствии с технологическими укладами и условиями окружающего мира (Бессонова 2019). Доказательства изменчивости базовых институтов приведены, например, в трудах А. Юрганова (Юрганов 1998). Даже наиболее устойчивые *социокультурные* институты – нормы, ценности, стандарты поведения человеческих групп – «в ходе общественного развития утрачивают свою функцию в общем контексте сложившихся в системе взаимозависимостей. Процессы подобного рода дефункционализации – это реальность, которую мы можем наблюдать всякий раз при смене общественных фигураций» (Элиас 2002: 356).

Каждое государство имеет собственную институциональную матрицу (North 1990), которая с учётом особенностей исторического развития преломляет общие закономерности для различных человеческих сообществ, что подтверждено на исследовании обширного эмпирического материала (Бессонова 2019; Елисеев 2011; Лубский 2016; Ксензова, Ксензов 2013; Никитенко, Солодовников 2008; Нестеренко 2002). При этом, как показано в трудах Г. Бокля, К. Виттфогеля, Ф. Гизо, Т. Жюффруа, доминирующий тип зависит от «первичных» институциональных форм, сложившихся при возникновении социума.

Однако в определённые исторические моменты (например, при реформировании геополитического пространства) общества могут приобретать свойства текучести и проницаемости, что затрудняет становление и воспроизводство жёстких инвариантных институциональных форм (Бауман 2008). Предельным случаем подобного состояния «институциональной подвижности» является точка бифуркации, для которой институциональная матрица становится неопределённой, а вся конструкция – зыбкой и неустойчивой, что может привести к гибели социума и последующему его восстановлению в результате слияния (интеграции) с другим обществом. Этот процесс заключается во встраивании распавшейся социальной системы (или её части) в институциональную матрицу социума-реципиента. При этом неопределённость институциональной матрицы распавшегося социума обуславливает возможность интеграции его осколков в системы с различным типом доминирующих базовых институтов. Исследованию данной проблемы и посвящена настоящая работа.

Интеграционная модель Российской империи в отношении присоединённых белорусских земель Речи Посполитой

В результате переформатирования геополитического пространства в конце XVIII в. и разделов Речи Посполитой⁵ в состав Российской империи вошло Великое княжество Литовское, включавшее, в частности, территорию современной Беларуси. Следует отметить, что в Российской империи существовало множество форм управления «окраинными» территориями и, соответственно, множество подходов к их интегрированию в единое государство. Метод, использованный в данном случае, основывался на видении разделов Речи Посполитой российской стороной как справедливом и легитимном возвращении в состав единого Русского государства отнятых земель Древней Руси: «отторжённая возвратилась». Соответственно, целью являлась полная интеграция, гомогенизация новых территорий с внутренними землями России.

Следует отметить, что институциональная матрица ВКЛ, характеризующаяся достаточно сильными институтами двух типов (дистрибутивным принципом формирования земельной собственности и, в то же время, (прото)федеративным принципом государственного устройства, значительным влиянием торгового капитала (особенно в западных областях), наличием большого числа крупных латифундий и определяющим влиянием магнатов на функционирование государственных органов⁶) существенно отличалась от российской матрицы с доминирующими редистрибутивными институтами. Это определило особенности слияния, его постепенный, плавный и всеобъемлющий характер. Какие же механизмы задействовала при этом Российская империя?

Прежде всего, *механизм унификации* – включение новых территорий в свою административно-территориальную и правовую систему. Инструментом реализации данной задачи явилась реформа территориального устройства, в ходе которой были образованы западные губернии (Псковская и Могилевская (1772); Минская, Изяславская и Брацлавская (1773); Виленская и Слонимская (1796)) и определены основы их управления – по общеимперскому образцу.

Унификация осуществлялась поэтапно, что объяснялось пограничным положением присоединённых земель, а также политической нестабильностью вследствие сильного влияния польского населения и католической церкви. Первичная стадия, совпавшая с периодом правления Екатерины II, предполагала создание гибридных институтов – встраивание российской власти в традиционно существующие властные структуры. Императрица гарантировала личные права и свободы вероисповедания местному населению, личную и имуществен-

⁵ Речь Посполитая – (квази)федеративное государство, образованное Королевством Польским и ВКЛ.

⁶ Архивы Беларуси. URL: <http://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/arhivnye-dokumenty-i-materialy-6/yuridicheskie-osnovy-upravleniya-belorusskimi-zemlyami-v-xiv-xviii-vekah-istoriya-voprosa-obzornaya-spravka> (дата обращения: 21.08.2021).

ную безопасность помещикам, принёсшим присягу российской власти. Вначале даже допускалось осуществление суда по литовским законам и на своём языке в том случае, если рассматриваемые дела не затрагивают интересы империи.

Однако проводимая российскими властями политика не снизила политическую турбулентность на новых землях, и уже в 1773 г. были учреждены губернские и провинциальные земские суды и регламентирован порядок их деятельности, введён запрет на обращение православных в католичество и униатство⁷, что свидетельствует о начале перестройки гибридных институтов. Несмотря на декларирование привилегий, указом 1778 г. местное управление на новых территориях было перестроено по российскому образцу^{8,9}.

Важным шагом на первичном этапе стало введение налоговых требований к различной собственности, для чего было предписано произвести перепись облагаемого имущества¹⁰. Собственность польской короны переходила в состав дворцовых волостей, имущество уехавших за границу дворян зачислялись в категорию экономических земель.

В белорусских губерниях учреждались конторы таможи и почты, вводились русские меры и весы.

Второй этап правовой унификации новых территорий связан с правлением Павла I. Инструментом его политики стала реформа административно-территориального устройства, в соответствии с которой в конце 1796 г. западные губернии отнесены к особым по правам и привилегиям¹¹, что можно рассматривать как отступление от прежнего курса, возврат к политике уступок. Восстанавливалась обособленность гражданского и уголовного суда на этих землях от общеимперского¹². Указом 1797 г. подтверждалось и гарантировалось «свободное вероисповедание в польских губерниях греко-российской церкви»¹³.

Вместе с тем появляется институт *военного губернаторства*, введённый на смену наместничеству, что означало милитаризацию системы управления.

Указанные шаги свидетельствуют о колебаниях российской власти: выборе Павлом I пути *медленных* институциональных трансплантаций, попытке создания промежуточных институтов, причём не только политических, но и социокультурных, и, в то же время, ужесточении контроля за их внедрением на приобретённых территориях. Это было обусловлено соображениями безопасности: восстание Т. Костюшко продемонстрировало недовольство достаточно широких слоёв населения, что, учитывая приграничное положение белорусских земель, представляло определённую угрозу империи.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13921, 13922.

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 20. 14692, 14693.

⁹ ПСЗРИ-2. Т. 42. № 44312.

¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13865.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17634, 17637, 17785, 17788.

¹² ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17879.

¹³ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14691.

Завершающая стадия правовой унификации, начавшаяся с приходом к власти Александра I и ускоренная Ноябрьским восстанием 1830-1831 гг., характеризуется окончательным закреплением унитарно-централизованного принципа управления на территории пограничных губерний, повсеместной заменой Магдебургского права, действовавшего на территории Речи Посполитой, на «Жалованную грамоту городам 1785 г.», предусматривавшую ограниченное городское самоуправление при условии утверждения избираемых должностей центральной властью, устранением публичного и частного права Речи Посполитой из сферы правового регулирования, прекращением действия местных источников права.

В целом, к середине XIX в. правовые условия административного строя западных губерний практически не имели различий с внутренними губерниями России.

Важным инструментом унификации явилась *сословная гомогенизация*, осуществлённая посредством распространения на дворянство на новоприобретённых землях тех же привилегий (изложенных в «Жалованной грамоте дворянству 1785 г.»), что и в Центральной России, и *разбора шляхты*. Шляхте предписывалось предоставить доказательства своего происхождения, оформленные по правилам Российской империи. Впоследствии неоднократно проводились ревизии лиц, имевших шляхетское звание. В результате тех, кто не смог подтвердить своё шляхетство, записывали в иные сословия: вольными хлеборобами, государственными крестьянами, мещанами. Крупнейший разбор шляхты осуществлялся по указу 19 октября 1831 г. как реакция на Ноябрьское восстание 1830–1831 гг. – в сословие однодворцев и граждан было переведено около 200 тыс. человек, а «нижние» слои шляхетского населения были записаны крестьянами. В целом процесс сословной гомогенизации растянулся более чем на полвека и завершился только к 1860-м гг.

Важной задачей российской власти стало создание и укрепление своей социальной базы, что было необходимо для трансплантации социокультурных институтов. При этом широко использовался *механизм обусловленности*.

Следует отметить, что первоначально (до 1830-х) положительная (стимулирующая) обусловленность применялась лишь к небольшой части населения (например, к магнатам, ординации которых сохранялись при условии лояльности их хозяев к государю). Значительную поддержку российское самодержавие оказывало Русской православной церкви (РПЦ). Ещё Екатериной II Униатская (греко-католическая) церковь была ограничена в правах, а в 1839 г. Полоцкий собор передал униатские приходы западных губерний РПЦ, существенно повысив её экономический статус. Ещё большее внимание уделялось Русской православной церкви в 1860-е: принимались меры по улучшению материального положения духовного сословия, наделению его достаточным количеством земли, реализовывалась обширная программа ремонта и строительства православных храмов. РПЦ рассматривалась как идейный проводник российского самодержавия в системе народного образования.

По отношению же к остальному населению царизм чаще использовал механизм *отрицательной (ограничительной, принуждающей) обусловленности*, направленный, в первую очередь, на борьбу с противниками проводимых трансформаций: инакомыслящими и представителями иных (по отношению к православному христианству) конфессий. В 1791 г. Екатериной II введена *черта постоянной еврейской осёдлости*¹⁴. Евреи утрачивали свободу выбора места жительства, им было запрещено (с некоторыми исключениями, например, при наличии высшего образования, что было и среди нееврейского населения чрезвычайной редкостью) селиться за пределами территорий бывшей Речи Посполитой и в сельской местности.

Ещё более жёсткие меры предпринимались в конце XIX в. В мае 1882 г. правительство запретило евреям в пределах черты осёдлости селиться вне городов и местечек, арендовать, принимать в залог и управление недвижимое имущество. Католикам, евреям и иностранцам было запрещено покупать казённые и частные земельные владения в западных губерниях. Помещики польского происхождения были обложены контрибуцией (от 10% и выше своих доходов они были вынуждены выплачивать государству). Введены были ограничения при поступлении католиков в высшие учебные заведения. Католики и евреи не могли приниматься на государственную службу.

С целью увеличения численности православного населения в западных губерниях, согласно закону 13 июля 1889 г., введено ограничение на переселение крестьян на свободные земли, практиковавшееся в Центральной России.

Вместе с тем в связи с необходимостью укрепления своей социальной базы самодержавие было вынуждено задействовать и *положительную обусловленность*. В 1839 г. Николай I подписал «Положение о люстрации государственных имуществ в Западных губерниях и Белостокской области»¹⁵. Реформа предусматривала, в частности, постепенный перевод государственных крестьян с барщины на оброк, признание за ними гражданской свободы, права на получение наследства и собственности, занятие торговлей и промыслами.

Кроме того, царское правительство задействовало также *механизм замещения*, активно раздавая здесь земли с крестьянами русским помещикам, крупным военачальникам, чиновникам (Никотин 1886: 31).

Следует также отметить *механизм социализации*, направленный на социокультурную гомогенизацию западных губерний. При этом основным целевым объектом являлось крестьянство. Главным инструментом социализации была система народного образования, которая перестраивалась «в духе право-

¹⁴ Черта осёдлости. *Электронная еврейская энциклопедия*. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/14679/> (дата обращения 21.08.2021).

¹⁵ Высочайше утверждённое положение о люстрации государственных имуществ Западных губерний и Белостокской области. *Runivers.ru*. URL: https://runivers.ru/lib/anons.php?ID=63702&IBLOCK_ID=36 (дата обращения 21.08.2021).

славия и *русской* народности» с акцентом на преимущественное развитие начальной школы (Рождественский 1902).

Используемые Российской империей механизмы обусловили трансплантацию и закрепление на новых территориях, доминирующих в российской институциональной матрице редистрибутивных институтов. Среди них: отношения редистрибуции в экономике; иерархичный стиль управления; укрепление крестьянской общины. Однако, наряду с доминирующими, трансплантировались и компенсаторные институты, связанные с развитием рыночных отношений. Российские власти способствовали развитию как вотчинных, так и капиталистических мануфактур. Например, в конце 1850-х гг. на белорусских землях их было 549 с 6,5 тыс. рабочих, среди которых вольнонаёмные составляли 43% (Ковкель, Ярмусик 2000: 77). Динамично развивалось тонкорунное овцеводство. Реконструировались каналы, сухопутные дороги.

Следует отметить, что некоторые институты Речи Посполитой не были ликвидированы. В частности, в западной части белорусских земель сохранялась фольварочная система хозяйствования. Кроме того, царской властью целенаправленно создавались новые ординации в Царстве Польском после 1831 г. из земель, конфискованных у участников восстания 1830-1831 гг. и переданных православным помещикам, что свидетельствует об «обратном» влиянии институтов имплантированного социума.

Интеграционная модель Австрийской империи

Как правило, понятие империи отождествляют с «вариантом организации отношений господства – подчинения, связанным с максимальной концентрацией властного потенциала в руках господствующего меньшинства» (Каспэ 2001: 9). Однако в отдельных случаях для империи возможно использование элементов федерализма в её государственно-территориальной структуре (Каспэ 2001: 53). Это наблюдалось, в частности, в Габсбургской монархии (с 1804 г. – Австрийской империи), представлявшей собой к концу XVIII в. конгломерат одиннадцати больших народов и огромного числа малых этнических групп, в котором, в отличие от России, ни одна нация не составляла абсолютного большинства.

Центральная власть в монархии была относительно слабой и плохо контролировала регионы. Однако примечательно, что некоторые её параметры развития соответствуют особенностям европейских интеграционных структур начала XXI в.: единое гражданство, единое экономическое пространство (в 1775 г. в монархии Габсбургов был создан Таможенный союз, уничтоживший многие внутренние торговые пошлины и увеличивший пошлины, которыми облагалась внешняя торговля (Royal and Republican Sovereignty... 2006: 437)), наличие региональной системы управления (парламентов и правительств), делегирование ряда полномочий на наднациональный (общеимперский) уровень. Прави-

тельство поощряло развитие промышленности, основанной на наёмном труде, освобождая от уплаты налогов новые промышленные предприятия на срок до десяти лет. Для подготовки квалифицированных рабочих были созданы технические и ремесленные школы. Всё это свидетельствует о наличии в институциональной матрице Австрийской империи сильных рыночных элементов.

В результате первого раздела Речи Посполитой Габсбурги получили территории, составившие провинцию «Королевство Галиция и Лодомерия» («Великое княжество Краковское» добавлено позже). Отметим, что Галиция досталась Польше в 1392 г. в результате распада Галицко-Волынского княжества и была встроена в её институциональную матрицу ещё задолго до Люблинской унии. Однако титул королей Галиции тогда закрепился за также участвовавшими в войне за галицко-волынское наследство венгерскими королями, чьими правопреемниками были Габсбурги, рассматривавшие присоединение этих территорий Речи Посполитой как возврат своих исконных земель.

В отличие от областей, включённых в состав России, сословное деление здесь практически совпадало с этническим: поляки – паны, русины (общепринятое самоназвание западных украинцев до начала XX в.) – крепостные крестьяне, работавшие на пана пять-шесть дней в неделю, евреи – мещане (в основном, небогатые ремесленники).

Так же, как и Россия, империя Габсбургов задействовала в отношении присоединённых земель механизмы унификации, обусловленности, замещения и социализации. Однако упомянутые выше особенности Австрийской империи и её новых территорий обусловили специфику используемой интеграционной модели.

Инструментом реализации механизма унификации стало образование новой административной единицы – Королевства Галиции и Лодомерии (Лебедев 2019). Выделение для новых территорий отдельной короны свидетельствует об их включении в систему, в основе построения которой принципиально другой в сравнении с Россией *архетип* – федерализма. Важными инструментами унификации явились: вступление Галиции в Таможенный союз, замена до 1786 г. законов Речи Посполитой австрийскими законами и роспуск шляхетских «сеймиков» (Magosci 2010). Однако, чтобы смягчить удар для старой знати, Вена, руководствуясь *механизмом положительной обусловленности*, учреждает Ассамблею сословий, состоящую из шляхты и духовенства. Этот орган практически не обладал правом принимать собственные решения, однако мог обращаться с петициями к императору, что было невозможным в Российской империи. Таким образом, в процессе интеграции новых территорий австрийские власти прибежали к созданию *политических институтов переходного типа*, направленных на укрепление автономии. Следует отметить, что, как реакция на «Весну народов», в период с 1848 по 1867 гг. наблюдалось отступление от этого подхода: Австрийская империя пыталась свернуть права провинций, но с введением двуединой монархии Галиция получила ещё более широкую автономию.

Для успешной трансплантации институтов необходима социальная опора. Для её создания власти применили *механизм замещения*. Однако это были не помещики, как в Российской империи, а чиновники (австрийцы и говорящие по-немецки чехи) и немецкоязычные колонисты, которые, по мнению властей, обеспечили бы внедрение передовых (западноевропейских) методов хозяйствования.

Кроме того, с целью противодействия сепаратистским настроениям поляков встала задача привлечения на свою сторону русинского крестьянства и греко-католической церкви, для чего властями широко использовался *механизм положительной обусловленности*. С 1781 г. император Иосиф II предпринял ряд шагов, направленных на отмену крепостного права: была введена максимальная продолжительность барщины (не более трёх дней в неделю); установлены права крестьянина обрабатывать свой собственный надел, жениться без согласия помещика, переходить на другие наделы и обращаться в суд с жалобами на помещика (Афанасьева 2011). Поддержка оказывалась и греко-католической церкви. В 1781 г. установлено «Право веротерпимости», в соответствии с которым священники униатской и католической конфессий имели равные права. Кроме того, правительство начало выплачивать всем священникам скромное жалованье, что сразу подняло их экономический статус. Наконец, в 1807 г. была восстановлена Галицкая митрополия (Яневский 2018).

Австрийскими властями широко применялся *механизм социализации*, способствующий трансплантации на новые земли социокультурных институтов империи. В 1774 г. в Вене основана греко-католическая семинария, которая не только давала русинским студентам систематическое богословское образование, но и приобщала их к западной культуре. В 1783 г. ещё более крупная семинария открылась во Львове. В 1784 г. основан первый на Украине Львовский университет. Введена австрийская система обучения, состоявшая из школ трёх типов: одноклассных церковно-приходских с родным языком обучения, трёхклассных с немецким или польским языком и четырёхклассных, готовивших для поступления в гимназии и университеты.

Однако слабо развитое железнодорожное сообщение Галиции с Веной, преимущественная ориентация хозяйства на аграрный сектор, приносящий малый прибавочный продукт, отсутствие инфраструктуры обусловили, в целом, значительно меньшее внимание центральных властей к региону, чем к западным, более богатым провинциям.

Ситуация изменилась в 1848 г. Ослабление центральной власти в Вене обусловило возникновение двух параллельных национально-освободительных движений в пределах Королевства – польского и русинского, что явилось прямым следствием существующих в провинции социальных (межэтнических) противоречий. В этих условиях *разделение и противопоставление национальных движений* стало главным механизмом сохранения трансплантированных Австрийской империей институтов и, следовательно, «сердцевиной» интегра-

ционной стратегии. Благодаря использованию этого механизма национализм населяющих империю народов никогда не был направлен против Вены, взявшей на себя роль арбитра между конфликтующими сторонами. Инструментами данного механизма стали: поддержка русинского движения и формирование из него опоры самодержавия в регионе; создание парламента, в который впервые в истории были избраны русины; отмена барщины в Галиции (манифест императора Фердинанда I от 23 апреля 1848 г. почти на пять месяцев опередил аналогичный указ, запретивший её во всех остальных частях империи) и привлечение на сторону самодержавия крестьянского (преимущественно русинского) населения, составлявшего более 90% жителей провинции.

Однако в годы реакции после 1848 г. Вена изменила свой интеграционный подход к Галиции, выбрав политику *ограниченной, асимметричной трансплантации* своих институтов на земли провинции, которая заключалась во внедрении ряда политических институтов (избирательной системы, самоуправления, поскольку управлять из центра затратно) и консервации существующих экономических и социокультурных институтов. Во второй половине XIX в. Галиция оставалась наиболее отсталой в экономическом отношении территорией Австро-Венгрии. Меры для развития промышленности не предпринимались. Правительство не предоставляло предпринимателям налоговые льготы, которыми пользовались в западных провинциях. Доступ товарам на рынки Австро-Венгрии и соседних стран был фактически закрыт. Одновременно существовали льготы на вывоз отсюда сырья и полуфабрикатов. Чрезвычайно медленно развивалось сельское хозяйство, что объяснялось особенностями проведённой аграрной реформы (сохранением пережитков крепостничества, в частности, сервитутов – прав на пользование помещичьими лесами, лугами, пастбищами) и отстающей в сравнении с западными австрийскими землями степенью механизации сельского хозяйства в связи с крестьянским перенаселением и связанной с ним дешёвой рабочей силой, а также дороговизной для обедневшей польской шляхты импортных машин (Топильский 2019). Урожайность в крае была в полтора-два раза ниже, чем в западноевропейских странах.

Регион оказался на положении внутренней колонии. Опыт Галиции в составе Австрийской империи свидетельствует о необходимости симметричной трансплантации институтов для успешного встраивания социума в институциональную матрицу, что подразумевает внедрение не только политических, но и экономических и социокультурных институтов.

* * *

Особенности государственного устройства и национального состава населения империй, географическое положение и уровень экономического развития присоединённых земель обусловили выбор типа интеграции новых территорий. Российский подход был направлен на выравнивание приобретённых земель с внутренними областями империи, для чего была осуществлена одновременная

трансплантация экономических, политических и социокультурных институтов. Присоединённые земли признавались исконно русскими, что препятствовало развитию белорусского национального движения. Следует отметить достаточно высокую эффективность российского подхода, обеспечившего быструю дефронтализацию новых территорий и продолжительное отсутствие тенденций к самораспаду.

Вена, в силу проблемности гомогенизации Галиции с другими регионами крайне неоднородной империи, для которой было невозможно выделить титульную нацию и установить сильную централизованную власть, вынуждена была распространить на новоприобретённые земли принципы федерального управления, имплантировав политические институты переходного типа, направленные на автономизацию региона. Неизбежное возникновение национально-освободительных движений в империи подобного типа обусловило необходимость применения механизма их разделения и противопоставления. В целом австрийская политика характеризовалась ограниченностью и асимметричностью трансплантации институтов на земли провинции (внедрение лишь ряда политических институтов), вследствие чего регион оказался в положении внутренней колонии. Однако формирование на территории Галиции русинского национального движения, признание Высшим русинским советом русинов и малороссов Российской империи единым народом (украинцами), что было следствием осуществлённых империей Габсбургов институциональных трансплантаций, имели геополитическое значение и сыграли значительную роль в последующей истории Украины.

Об авторе:

Павел Александрович Барахвостов – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, 220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский проспект, 26. E-mail: barakhvostov@yandex.by

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 325.3
Received: May 27, 2021
Accepted: July 21, 2021

Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands in-to the Russian and Austrian Empires

P.A. Barakhvostov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-4-79-51-69](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-51-69)

Belarusian State Economic University

Abstract: The article studies the collapse of Rzeczpospolita and the admission of its parts into the Russian and Austrian Empires to understand through the institutionalist approach the consequences of reformatting the geopolitical space, namely, implantation of the debris of the collapsed society into another social system. It reveals the mechanisms of the fusion of donor and recipient societies. They include unification – the integration of new territories into the legal and administrative-territorial organization of the acceptor country. This mechanism proceeds through several stages: initial, implying the creation of hybrid institutions (implementation of the new authorities into the pre-existing system of power); secondary, when the institutional transplants are rebuilt with the simultaneous foundation of intermediate institutions); final (the ultimate restructuring of power following the new model). A vital instrument of unification is constituted by estate homogenization or the alignment of the social organization of the new lands and the acceptor society. Besides, among the mechanisms of integration, there are

- conditionality (positive, or stimulating, for extending the social base of transformations as well as negative, intended to curb resentment),
- substitution (admission of representatives of the acceptor society to the higher estate of the new lands),
- socialization (measures to culturally homogenize the united social system).

Despite the similarity of the employed mechanisms, there is a difference in the integration models applied by the Russian and Austrian Empires, which is due to the specificities of the state organization and national structure of these empires as well as the geographical location and the level of economic development of the acquired territories. The distinctive feature of the Russian approach to homogenization of the new lands with the rest of the empire was transplantation of economic, political, and social-cultural institutions to the acquired territories with preservation of some pre-existing endemic economic institutions. The Austrian policy was characterized by asymmetrical and limited institutional transplantations (only political institutions) to the new province, which turned the region into a virtual inner colony. The meaning of the chosen integration model for the later development of the integrated lands is also discussed.

Keywords: geopolitical space, empire, institutional matrix, basic institutions, redistributive economy, market relations, crisis, bifurcation point, integration, institutional transformations.

About the author:

Pavel A. Barakhvostov – PhD (Political Science), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, 26, Partizanskiy Avenue, Minsk, Republic of Belarus, 220070.

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Brousseau E., Raynaud E. 2011. Climbing the Hierarchical Ladder of Rules: a Life-cycle Theory of Institutional Evolution. *Journal of Economic Behaviour and Organisation*. 79(1). P. 65–79. DOI: 10.1016/j.jebo.2011.01.027.

Dowd A.C., Pak J.H., Bensimon E.M. 2013. The Role of Institutional Agents in Promoting Transfer Access. *Education Policy Analysis Archives*. 21(15). URL:<http://epaa.asu.edu/ojs/article/view/1187> (accessed 21.08.2021). DOI: 10.14507/epaa.v21n15.2013.

Knudsen T. 2008. Organizational Routines in Evolutionary Theory. *Handbook of Organizational Routines*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd. P. 125–151.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. 1998. Law Magosci and Finance. *Journal of Political Economy*. 106 (6). P. 1113–1154. DOI: 10.1086/250042.

Lehbruch G. 2000. Institutional Change in the East German Transformation Process. The Role of the State in the Reorganization of Property Rights and the Limits of Institutional Transfer. *German Politics and Society*. 18(3). P. 13–47. DOI: 10.3167/104503000782486507.

Magosci P.R. 2010. *A History of Ukraine. The Land and Its People*. Toronto: University of Toronto Press. 896 p.

Mahoney J., Thelen K. 2010. A Theory of Gradual Institutional Change. *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency and Power*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–37. URL: https://assets.cambridge.org/97805211/18835/excerpt/9780521118835_excerpt.pdf (accessed 21.08.2021).

Mouzelis, N.P. 2008. *Modern and Postmodern Social Theorizing*. Cambridge: Cambridge University Press. 300 p. URL: https://assets.cambridge.org/97805215/15856/frontmatter/9780521515856_frontmatter.pdf (accessed 21.08.2021).

North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press. 152 p. DOI:10.1017/CBO9780511808678.

Ostrom E. 1982. *Strategies of Political Inquiry*. Beverly Hills, Sage. 224 p.

Peters B.G. 2019. *Institutional Theory in Political Science: The 'New Institutionalism'*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd. 304 p.

Polanyi K. 1977. *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. New-York: Academic press. 280 p.

Roland G. 2000. *Transition and Economics. Politics, Markets and Firms*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. 400 p.

Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe. Essays in Memory of Ragnhild Hatto. 2006. Cambridge: Cambridge University Press. 696 p.

Singh P. 1970. Problems of Institutional Transplantation: The Case of the Commonwealth Caribbean Local Government System. *Caribbean Studies*. 10(1). P. 22–33.

Stiglitz J. 1998. Distinguished Lecture on Economics in Government. The Private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 12(2). P. 3–22. DOI: 10.1257/jep.12.2.3.

Afanasieva Yu.S. 2011. Prosveshennyj Absolutizm Iosifa II v Ocenkah A.M. Onu [Enlightened Absolutism of Joseph II in the Estimates of A.M. Onu]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. №2. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/188> (accessed 21.08.2021) (In Russian).

Bauman Z. 2008. *Tekuchaja Sovremennost' [Fluid Modernity]*. St.-Petersburg: Piter. 240 p. (In Russian).

Bessonova O.E. 2019. Kontraktnyj Razdatok i Solidarizm – Novaja Veha Rossijskoj Matricy [Contract Redistribution and Solidarism is New Era of Russian Matrix]. *Mir Rossii*. №1. P. 7-31. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31 (In Russian).

Burkaľtseva D.D. 2016. Process «transplantacii» institutov kak stanovlenie novoj jekonomichejskoj sistemy [Process of Institutional Transplantation as Formation of New Economic System]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)*. 7(4). P. 19–24. DOI: 10.18184/2079-4665.2016.7.4.19.24 (In Russian).

Durkheim E. 1995. *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow: Kanon. 352 p. (In Russian).

Elias N. 2002. *Pridvornoe Obshchestvo* [Court Society]. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul'tury. 368 p. (In Russian).

Eliseev S.M. 2011. Modernizacija Rossijskogo Obshchestva v Kontekste Teorii Institucional'nyh Matric [Modernization of Russian Society in the Frame of the Theory of Institutional Matrices]. *Politicheskaja Expertiza: POLITEX*. №3. P. 38-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossijskogo-obshchestva-v-kontekste-teorii-institucionalnyh-matric> (accessed 21.08.2021) (In Russian).

Kaspe S.I. 2001. *Imperija i Modernizacija: Obshhaja Model' i Rossijskaja Specifika* [Imperia and Modernization. General Model and Russian Features]. Moscow: ROSSPEN. 256 p. (In Russian).

Kirdina S.G. 2014. *Institucional'nye Matricy i Razvitie Rossii: Vvedenie v H-Y-teoriju* [Institutional Matrices and Development of Russia: Introduction in X-Y Theory]. St.-Petersburg: Nestor Istorija. 468 p. (In Russian).

Kovkel' I.I., Yarmusik E.S. 2000. *Istorija Belarusi s Drevnejshih Vremen do Nashego Vremeni* [History of Belarus from Ancient Times to Modernity]. Minsk: Aversev. 592 p. (In Russian).

Ksenzova V. E., Ksenzov S.V. 2013. Osobennosti Jevoljucii i Sovremennoho Sostojanija Institucional'noj Sredy Jekonomiki Belarusi v Kontekste Konceptcii X-Matricy [Features of Evolution and Modern State of Institutional Medium of Belarus Economics in Context of X-Matrix Concept]. *Journal of Institutional Studies*. 5(1). P. 145-156 (In Russian).

Lebedev S.V. 2021. *Etnicheskaja Istorija Regionov Ukrainy* [Ethnic History of Regions of Ukraine]. St.-Petersburg: Aleteiya. 506 p. (In Russian).

Lubskii A.V. 2016. Institucional'naja Matrica Estestvennogo Gosudarstva i Social'nyj Porjadok v Rossii [Institutional Matrix of Natural State and Social Order in Russia]. *Politicheskaja konceptologija*. №4. P. 114-123 (In Russian).

Nesterenko A.N. 2002. *Ekonomika i Institucional'naja Teorija* [Economics and Institutional Theory]. Minsk: URSS. 416 p. (In Russian).

Nikitenko P.G., Solodovnikov S.Yu. 2008. *Social'no-ekonomicheskie Sistemy Belarusi i Rossii: Jevoljucija i Perspektivy* [Socioeconomic systems of Belarus and Russia: Evolution and Prospects]. Minsk: Belorusskaya nauka. 374 p. (In Russian).

Nikotin I.A. 1886. *Stoletnij period rosskogo zakonodatel'stva v vossoedinennyh ot Pol'shi gubernijah i zakonodatel'stvo o evrejah (1649-1876)* [A Hundred-year Period of Russian Legislation in Provinces Reunited from Poland and Legislation on Jews (1649-1876)]. Vil'no. №2. 420 p. (In Russian).

Polterovich V.M. 2001. Transplantacija Jekonomicheskikh Institutov [Transplantation of Economic Institutions]. *Ekonomicheskaja Nauka Sovremennoj Rossii*. №3. P. 24-50 (In Russian).

Rozhdestvenskij S.V. 1902. *Istoricheskij Obzor Dejatel'nosti Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija (1802-1902)* [Historical Review of the Activities of the Ministry of Education (1802-1902)]. St.-Petersburg: Isdatel'stvo Ministerstva Narodnoro Prosveshcheniya. 786 p. URL: http://elib.gnpbu.ru/text/rozhdestvensky_istoricheskij-obzor-deyatelnosti_1902/fs,1/ (accessed 21.08.2021). (In Russian).

Topilskii A.G. 2019. Harakter Razvitiya Krupnogo Zemlevladieniya v Galicii v 1848–1902 gg. [The Nature of the Development of Large Land Tenure in Galicia in 1848–1902]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 24(181). P. 198-203. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-181-198-203 (In Russian).

Yanevskii D.B. 2018. *Proekt «Ukraina». Izvestnye istorii nashej derzhavy: prodolzhenie (1774-1914 gg.)* [Project “Ukraine”. Known Histories of Our Country, Continued (1774-1914)]. ОМКО. 285 p. (In Russian).

Yurganov A.L. 1998. *Kategorii Russkoj Srednevekovoj Kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: MIROS. 448 p. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/jurganov_a_l_kategorii_russkoj_srednevekovoj_kulturny_1998/16-1-0-1779 (accessed 21.08.2021). (In Russian).

Список литературы на русском языке

Афанасьева Ю.С. 2011. Просвещённый абсолютизм Иосифа II в оценках А.М. Ону. *Гуманитарные научные исследования*. №2. URL: <http://human.snauka.ru/2011/10/188> (дата обращения 21.08.2021).

Бауман З. 2008. *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер. 240 с.

Бессонова О.Е. 2019. Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы. *Мир России*. №1. С. 7-31. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31

Буркальцева Д.Д. 2016. Процесс «трансплантации» институтов как становление новой экономической системы. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 7(4). С. 19–24. DOI: 10.18184/2079-4665.2016.7.4.19.24.

Дюркгейм Э. 1995. *Социология. Её предмет, метод, предназначение*. Москва: Канон. 352 с.

Элиас Н. 2002. *Придворное общество*. Москва: Языки славянской культуры. 368 с.

Елисеев С.М. 2011. Модернизация российского общества в контексте теории институциональных матриц. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЕКС*. №3. С. 38-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossijskogo-obschestva-v-kontekste-teorii-institutsionalnyh-matrits> (дата обращения: 21.08.2021).

Каспэ С.И. 2001. *Империя и модернизация: общая модель и российская специфика*. Москва: РОССПЕН. 256 с.

Кирдина С.Г. 2014. *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 468 с.

Ковкель И.И., Ямусик Е.С. 2000. *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*. Минск: Аверсэв. 592 с.

Ксензова В.Е., Ксензов С.В. 2013. Особенности эволюции и современного состояния институциональной среды экономики Беларуси в контексте концепции X-матрицы. *Журнал институциональных исследований*. 5(1). С. 145-156.

Лебедев С.В. 2021. *Этническая история регионов Украины*. Санкт-Петербург: Алетейя. 506 с.

Лубский А.В. 2016. Институциональная матрица естественного государства и социальный порядок в России. *Политическая концептология*. №4. С. 114-123.

Нестеренко А.Н. 2002. *Экономика и институциональная теория*. Минск: URSS. 416 с.

Никитенко П.Г., Солодовников С.Ю. 2008. *Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы*. Минск: Белорусская наука. 374 с.

Никотин И.А. 1886. *Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649-1876)*. Вильно. Т. 2. 420 с.

Полтерович В.М. 2001. Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*. №3. С. 24-50.

Рождественский С.В. 1902. *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802-1902)*. Санкт-Петербург: Издательство Министерства народного просвещения. 786 с. URL: http://elibrary.gnpbu.ru/text/rozhdestvensky_istoricheskiy-obzor-deyatelnosti_1902/fs,1/ (дата обращения: 21.08.2021).

Топильский А.Г. 2019. Характер развития крупного землевладения в Галиции в 1848–1902 гг. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 24 (181). С. 198-203. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-181-198-203.

Яневский Д.Б. 2018. *Проект «Украина». Известные истории нашей державы: продолжение (1774-1914 гг.)*. ОМИКО. 285 с.

Юрганов А.Л. 1998. *Категории русской средневековой культуры*. Москва, МИРОС. 448 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/jurganov_a_1_kategorii_russkoj_srednevekovoj_kultury_1998/16-1-0-1779 (дата обращения 21.08.2021).